

Только у нас

Демоны русской

Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ

28 мая в «РК» было опубликовано мое интервью с академиком Николаем Петраковым, издавшим книгу «Последняя игра Александра Пушкина». В интервью шла речь не только о сенсационном раскрытии Петраковым темы дуэли и смерти Пушкина, но и о том, как Институт мировой литературы РАН (ИМЛИ) «замотал» семинар с обсуждением книги, который – по инициативе его же сотрудников – должен был состояться 19 февраля.

На другой день после выхода номера «РК» с этим интервью, в субботу 29 мая, Петракову позвонили из ИМЛИ и сообщили, что семинар все-таки состоится – в среду, 2 июня. Во вторник 1 июня по следам выступления «РК» у Петракова взяла интервью журналистка ОРТ Мария Лемешева, а в среду 2 июня на семинаре в ИМЛИ состоялось обсуждение книги Петракова. В обсуждении приняли участие 5 докторов филологических наук (в том числе зав. отделом теории литературы Ю.Б.Борев, зав. отделом литературы XX века А.М.Ушаков) и другие сотрудники ИМЛИ. Ни один пушкинист (а пушкинистика в ИМЛИ – отдельное направление) на обсуждение не пришел.

В воскресенье 6 июня, в день рождения Пушкина, в вечерней программе «Время» были показаны интервью Лемешевой с Петраковым и с упомянутыми в «РК» пушкинистами – И. Л. Сурат и Н. Н. Скатовым, а также с Л.М.Аринштейном. Последнего журналистка, видимо, выбрала для интервью, с одной стороны, потому, что у него есть своя версия того, кто был автором «диплома рога носца», полученного Пушкиным и его друзьями 4 ноября 1836 года, а с другой – в качестве замены упомянутого «РК» председателя Пушкинской комиссии ИМЛИ В.С. Непомнящего, который давать ей интервью отказался, повторив то, что он сказал на заседании комиссии 15 февраля: «Книга Петракова вредна, потому что бросает тень на Александра Сергеевича».

Дружные похвалы всех до единого профессиональных филологов из ИМЛИ и резкое неприятие книги опрошенными в телеинтервью – при явном категорическом нежелании пушкинистов принимать какое бы то ни было участие в ее обсуждении не только в открытой печати, но даже на уровне устного семинара – свидетельствуют, что наша пушкинистика в глубоком системном кризисе и что книга Петракова стала для нее очередным камнем преткновения, а беспомощность аргументации выступавших в телеинтервью вызывает уныние.

Усадьба Михайловское: в день рождения великого поэта здесь всегдалюдно

«Такие версии, как петраковская, – заявила Сурат, – они тем опасны, что здесь есть пренебрежение нравственной нормой вообще и нормой дворянина. 600-летний дворянин не мог написать себе подметное письмо. Понимаете?»

Нет, не понимаем. Это почему же не мог? Вот написать донос на кого-то – это сделать Пушкин, как человек чести, действительно не

мог; а на самого себя – почему бы и нет? Увы, доктор филологических наук Сурат не понимает психологии пушкинских поступков. Он был бы беззащитен против совместных подлых действий императора-императрицы-Нессельроде-Геккернов, довольствуясь он представлениями Сурат о том, что может себе позволить 600-летний дворянин, а что – нет. Смешно

предполагать, что в такой ситуации Пушкин, никогда никому не спускавший оскорблений, встанет в позу беззащитного благородства и не ответит эпитафией. Его «диплом рога носца» и есть эпитафия, направленная против императорской четы, причем эпитафия, смертельно опасная для ее автора. Если бы он не придумал этого способа взорвать ситуацию, он избрал

Война, объявленная русскими пушкинистами академику Николаю Петракову, ведется не по законам чести

Пушкин А.С.

2.07.04

Мог ли
догадываться
Пушкин,
что через
столько лет
после его
смерти его
именем будут
прикрываться
люди,
спекулирующие
на подробностях
жизни
великого поэта?

бы какой-нибудь другой, но он никому не мог позволить безнаказанно бесчестить его имя.

Можно подумать, что Сурат не прочитала книгу Петракова, продолжая твердить жеваное-пережеванное и ничего в этой истории не объясняющее («жена Пушкина увлеклась Дантесом и, видимо, Пушкину в этом призналась»). Но сегодня у наших пушкинистов этот единственный способ спора и остался: не замечать аргументов оппонента и постоянно повторять свои: «жена Пушкина увлеклась Дантесом», «Дантес влюбился в Наталью Николаевну». Ведь они возражают не потому, что и теперь думают иначе, а потому, что согласиться с Петраковым им просто невозможно: у них целые теории и разделы их книг построены на «чистосердечии» и «наивности» Натальи.

Директор ИРЛИ (Институт русской литературы РАН, или Пушкинский Дом) Скотов, например, придумал и озвучил в том интервью по телевидению замечательный «аргумент» в пользу этого чистосердечия: «Наталья Николаевна была в высшей степени религиозным человеком, и ничего подобного (святой Натальи с императором. — В.К.) просто допустить невозможно». Это равносильно тому, чтобы сказать: религиозный человек не может согрешить. Но ведь это можно сказать только в отношении святого — а уж что Наталья Николаевна не была святой, и доказывать не требуется. Постулат Скотова, конечно, смешной, но куда же ему деваться? Ведь все, что он пишет якобы о Пушкине, — это то, что он пишет о Наталье Николаевне, а все, что он пишет о Наталье Николаевне, греша ломаного не стоит, если согласиться с петраковской концепцией.

То же самое я мог бы повторить и в адрес Ариштейна: куда ж ему деваться? Ведь если петраковская версия происхождения «диплома

рогоносца» справедлива, то летит в тартарары вся версия Ариштейна дуэли и смерти Пушкина. Впрочем, его «открытие» того, что автором рогоносного «пасквиля» был Александр Раевский, и всегда-то было шито белыми нитками. Надо понятия не иметь о чести, чтобы обвинить в столь бесчестном поступке человека, который на вопрос государя по поводу 14 декабря «...вы все знали и не уведомили правительство; где же ваша присяга?» ответил: «Государь! Честь человека не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще».

А. Барков в своей книге «Прогулки с Евгением Онегиным» пока-

их общения «на чердаке» у Шаховского, что и стало содержанием стихотворения «Демон». В романе убийство — не только факт, но и важная метафора, на которую пушкинисты почему-то не обращают внимания. По существу любой посредственный литератор по отношению к таланту — убийца, и, увы, всем своим «творчеством» и поведением в нынешней ситуации наши пушкинисты эту онегинскую традицию продолжают. Не случайно же выступление Ариштейна по телевидению было таким откровенно злобным: «В наш век вседозволенности, когда в пушкиноведение вообще поперли все, кому не лень, могут создаваться самые бредовые теории».

Ариштейна. «О какой искренности в описании своих чувств к внезапно и навсегда покорившей его женщине («я готов был упасть к ее ногам и целовал бы их, если бы мы были одни») можно серьезно говорить, — пишет Петраков, — когда Дантес в том же письме, но на другой странице цинично пишет: «Однако не ревнуй, мой драгоценный, и не злоупотребляй моим доверием: ты-то останешься навсегда, что же до нее — время окажет свое действие и ее изменит, так что ничто не будет напоминать мне ту, кого я так любил. Ну а к тебе, мой драгоценный, меня привязывает каждый новый день все сильнее, напоминая, что без тебя я был бы ничто».

менила» во 2-м номере журнала «Вопросы литературы» за этот год, то напрашивается вывод, что именно этим выступлением нашего теоретического литературного журнала и задан тон поведению пушкинистов. Хотя Сарнов не пушкинист, зато журнал академический, директор ИМЛИ Ф.Ф. Кузнецов — член редсовета журнала, а Сарнов — член редколлегии; пушкинисты могли ведь и прислушаться к этому почти официальному мнению.

Вероятно, все выступавшие по телевидению были введены в заблуждение словами и тоном следующего абзаца рецензии Сарнова:

«Только переживаемым нами сейчас всеобщим одичанием можно объяснить, что академику РАН могло взбрести на ум, будто... Александр Сергеевич Пушкин, такой, каким он был, с его дворянским чувством чести и дворянскими предрассудками, мог затеять такую хитромудрую (невольно напрашивается тут другой, более грубый эпитет) акцию по обгаиванию самого себя — не то что даже просто замыслить этот изуверский, макиавеллевский розыгрыш, идея которого могла бы родиться разве только в больном мозгу какого-нибудь Свидригайлова...»

Между тем известно, что Сарнов баловался пародиями, он может и пошутить; например, иначе чем шуточной разве можно назвать слова Сарнова о том, что «Дантес, оказывается, искренне любил Наталью Николаевну»? Сарнов на голубом глазу поиздевался над нашими пушкинистами, а те восприняли его «рецензию» как руководство к действию. Но ведь нельзя же всерьез принимать обвинения в советскости со стороны человека, который в советские времена в литературоведческих статьях для подтверждения своей лояльности советской власти цитировал Маркса и Ленина или писал рассказы о «всаднике с красной звездой», — ведь это было бы с его стороны верхом подлости! Нет-нет, я не могу поверить, что Сарнов на такое обвинение способен!

На самом деле Сарнов, как опытный пародист, просто написал свой текст от лица лирического героя, в котором изобразил посредственного, злобного и завистливого литератора, пишущего рецензию на книгу Петракова. Лирический герой его критической статьи в «Вопросах литературы» (который и говорит «я» и «мне») думать не умеет, поэтому он просто набирает на две трети объема рецензии цитат из рецензируемой книги и других источников (этот прием называется «гнать строку»), после каждой второй цитаты вместо ответов на аргументы автора вставляет что-нибудь ироническое — ирония ведь хотя и не является аргументацией, зато всегда выглядит как свидетельство правоты; а в качестве аргументации в поддержку его «тезисов» и «версий» Сарнов подливает в сатирический огонь своей пародии пафосу. На закуску он приводит цитату из Сергея Эйзенштейна, и все это завершает подчеркивающим омерзительность этого лирического героя пассажем о советскости автора рецензируемой книги.

Я снимаю шляпу перед Сарновым с его героем-литературоведом, «затевая» такую хитромудрую (невольно напрашивается тут другой, более грубый эпитет) акцию по обгаиванию самого себя» (далее — по тексту цитаты из Сарнова). «Только переживаемым нами сейчас всеобщим одичанием» наших пушкинистов можно объяснить тот факт, что они приняли эту «мениппею» всерьез и во всеуслышание, с экранов телевизоров, поддержали наглухо спекуляцию этого литературоведческого персонажа из постперестроечных времен!

По существу любой посредственный литератор по отношению к таланту — убийца, и, увы, всем своим «творчеством» и поведением в нынешней ситуации наши пушкинисты эту онегинскую традицию продолжают

зал, что содержание стихотворения «Демон» (1823) с первых строк («В те дни, когда мне были новы Все впечатленья бытия...») отнесено далеко в глубь времени относительно 1823 года, когда Пушкин только познакомился с Александром Раевским. Прототипом «демона» этого стихотворения был не Раевский (как это утверждает Ариштейн), а Павел Катенин — так же как и прототипом героя начатого в том же году «Евгения Онегина», где цинизм Онегина хорошо согласуется и с содержанием стихотворения «Демон», и с содержанием романа. Добавлю, что отнюдь не случайно Онегин в романе — не только убийца друга, но и убийца таланта, его отношение к Ленскому сходно с отношением Катенина к юному Пушкину в годы

К сведению господина Ариштейна, нынче и впредь ни Петракову, ни всем тем, кто захочет принять участие в исследовании жизни и творчества Пушкина, спрашивать дозволения у Ариштейна нет необходимости. Не имеет значения, каким образом человек зарабатывает себе на жизнь или в какой области трудится. Имеет значение только его компетентность: знание контекста быта и нравов пушкинского времени и умение анализировать пушкинские тексты. А в этом Петракову не отказать.

Он, в частности, и показывает в своей книге, что любовь Дантеса к Наталье Николаевне — миф, что так называемые письма Дантеса невозможно цитировать целиком ни в рамках общепринятой версии, ни в изложении версии

Совершенно очевидно, что письма были сфальсифицированы, чтобы оправдать поведение Дантеса, прикрывавшего императора; приходится удивляться лишь слепоте пушкинистов, углядевших в этих «письмах» искреннюю любовь.

Однако больше всего в этой истории борьбы с книгой Петракова меня удивило трогательное единодушие пушкинистов, как один сосредоточившихся на том, что «Наталья Николаевна не могла» и что «600-летний дворянин Пушкин не мог». Складывается впечатление, что это единодушие организовано или, точнее, инициировано. А поскольку единственным печатным откликом на книгу Петракова была рецензия известного советского литературного критика Бенедикта Сарнова «Тамара ему, конечно, из-

ПУШКИНИСТИКИ

Директор ИРЛИ РАН Николай Скотов и Владимир Путин в Константиновском дворце Санкт-Петербурга изучают пушкинское «На холмах Грузии...». Торжество академической пушкинистики?